

— Прошу вас! — произнес я умоляюще.

— Уже тогда, за столом, у меня было это чувство... Дядя постоянно мне повторяет: Лизетта, выбери себе в мужья кого захочешь, выбери богатого или бедного, уж я-то тебя обеспечу, чтобы ты ни в чем не нуждалась. Дядя говорит: выходи за какого-нибудь музыканта, с которым у тебя общие интересы, какого-нибудь молодого писателя, с которым у тебя сродство душ, или за ученого, который пленит твой ум. Но я не могу, не могу.

— Почему? — спросил я.

— Ах, боже мой, я вижу вас сегодня в первый и, может быть, в последний раз, неужели я действительно должна рассказать вам о единственной великой тайне моей жизни? Чем вы это заслужили?

— Я заслужу, поверьте, заслужу.

— А может быть, завтра пойдете и скажете об этом кому-то третьему, тот расскажет четвертому и так далее, пока весь город не загудит.

— Клянусь всем святым — ни одна душа никогда об этом ничего не узнает! — пылко воскликнул я и почувствовал, как дурман выпитого мною винаальной заливает мой мозг и растекается по всему телу. Мысленно я проклинал алкоголь и его предательский соблазнительный вкус, так как хотел бы сейчас быть вполне трезвым и с незатуманенным сознанием отдаваться тому, чего я так ждал.

— Хорошо, — сказала она. — Но верите ли вы тому, что говорилось за столом, то есть верите ли в гипноз и внушение?

— Это ведь научно установлено... — начал было я объяснять.

— Нет, нет, скажите прямо, верите или нет? — спросила она.

— Да, верю, — ответил я.

— Верите и тому, что вещи могут так влиять на людей?

— Да, этому тоже, — подтвердил я и хотел было рассказать о своих корпорантских знаках, решив, что для этого наступил самый подходящий момент: я заметил, что женщины гораздо более чутки в пони-

мании таких вещей, чем мужчины. Но прейти Мардус была слишком поглощена своими мыслями, чтобы уделять внимание чему-то другому.

— А я вначале не верила, когда дядя говорил, — с жаром продолжала она. — Мы много раз спорили об этом. Но потом я вдруг заметила, что с дядей что-то случилось. Когда именно это началось, не знаю, но внезапно мне бросилось в глаза: у дяди выражение лица, он совсем другой человек. И постоянно, не только я, заметили, что дядя изменился. Раньше, например, он был очень терпеливым и покладистым, теперь стал резким, требовательным. Раньше не любил громко выражать свое мнение, теперь охотно это делает. Раньше ему не нравилось ходить в гости или приглашать гостей, теперь готов пировать хоть каждый день. Раньше дня не проходило, чтобы он не бранил правительство, а теперь, если другие бранят, смеется и говорит: экие ершистые ребята. Раньше он был уверен, что очень умен, и всем надоедал своими поучениями, но никто не хотел их слушать, так как считали его глупым; теперь же он убежден, что ни ему, ни кому другому на свете не нужно ни ума, ни учения, если есть имущество, — и все находят, что у него ума палата. Раньше он стремился в свободное время почитать книжку, а теперь говорит: пускай читают те, у кого лучшего дела нет. Когда-то он купил на выставке одну картину, сейчас уверяет, что он выше этого, так как его интересуют только редкостные вещи. Раньше смотрел на все сквозь черные очки, теперь, по его мнению, все идет к лучшему. Раньше ему нравилось все сильное, земное, реальное, сейчас — бесплотное, небесное, идеальное. Видите, как изменился мой дядя, стал совсем другим человеком. Когда я все это увидела, мне стало страшно, в сердце закрались странное жуткое чувство, и я поверила, что вещи обладают волшебной силой, могут влиять на человека, гипнотизировать, внушать ему что-то — назовите это как хотите. А что вы думаете об этой вот вещи? — спросила она вдруг, протягивая ко мне скрипку. — Может она влиять на человека?

— Ах, да! — воскликнул я. — Господин Раватянов говорил...

— Дядя ничего не знает! — перебила меня девушка.

— Он говорил, что этот инструмент стоит миллионы, — пояснил я.

— Десять миллионов, — поправила она.

— Верно, он сказал — десять миллионов, — уточнил я, исправляя свою ошибку.

— Дядя абсолютно ничего не знает, — повторила девушка. — Хоть и подарил мне эту скрипку, а не знает. И подумайте только, что он мне при этом сказал: «Ну, если ты и теперь не выйдешь замуж, оставайся старой девой». — Прейли Мардус грустно улыбнулась и с покорным видом продолжала: — Он, конечно, шутил, ведь он отлично знал, как я уже тогда была увлечена музыкой. Если бы он мог догадываться, как страшно оправдалась его шутка, но только в обратном смысле: я никогда не выйду замуж, если не избавлюсь от этого жуткого наваждения.

— Какого? — спросил я изменившимся от волнения голосом.

— Я никогда не выйду замуж, если не спасусь от нее, — повторила она, показав на свою скрипку. — О боже, и зачем только у дяди явилась роковая мысль подарить мне именно эту скрипку! Я могла бы вечно играть на своей пятидесятирублевой и была бы счастлива ее простыми звуками. Если у вас когда-нибудь явится желание играть на скрипке, от душа вам советую: не покупайте себе вот такой старинный инструмент, о котором вы ничего не знаете — ни его истории, ни прошлого, ни судьбы, и в подарок ни от кого не берите.

Я хотел ей возразить, что никогда не буду играть на скрипке, а если бы и начал, то нечего опасаться, что меня постигнет из-за нее какое-нибудь несчастье, ведь у меня самого нет миллионов, нет и богатого дядюшки, который подарил бы мне хоть булавку. Но я не мог произнести ни слова, так как она не сказала продолжала свой захватывающий рас-

— Правду говоря, это началось так... Но вы сдер-
жите слово, никому не скажете? — обратилась она
ко мне.

— Прейли, — отвечал я, — посмотрите сюда, это
обязывает! — И я показал на свою корпорантскую
ленту. Мои слова произвели впечатление, и девушка
продолжала:

— Да, это началось так: однажды утром дядя спро-
сил меня, почему я по ночам играю на скрипке. Но я
не играла, я-то знала. Тогда дядя сказал: «Лизетта, с
тобой дело неладно, тебе пора замуж». А потом ко
мне посватался господин Пулло, попросил у дяди
моей руки. Вы, может быть, обратили внимание на
господина, который за столом сидел со мною рядом?
Плотный, солидный, настоящий мужчина. Это ни-
чего, что у него лысая голова, это какой-то семейный
недостаток, но вообще он очень добрый и богатый, он
бывший дядин сослуживец, а теперь торговый ком-
паньон, золотой человек, дядя с ним в очень хоро-
ших отношениях. Дядя, конечно, рад, хохотет, сияет,
называет меня ангелом счастья, а господина Пулло
Иисусом Христом, — дядя на словах ужасный без-
божник, его считают атеистом и нигилистом, но во-
обще-то он очень набожен, ходит к причастию и
жертвует на бедных, — ну, так вот, он говорит: «Ли-
зетта, мой ангелочек, жених души твоей появился,
настало твое искупление, иди же». Конечно, он и тут
шутил, потому что вскоре заявил мне вполне серь-
езно и торжественно: «Не думай, что я тебя принуж-
даю, живи под моим кровом хоть до конца дней,
служи искусству, но я считаю, что если тебе захо-
чется земного счастья, то есть семейной жизни, то в
столице не найти лучшей партии, чем мой дорогой
друг Пулло. Он, правда, чуть грубоват, но дельный
парень в лучшем смысле слова; а нежности и дели-
катности — это женское дело». Так он сказал и раз-
решил мне подумать до завтрашнего утра. Всю ночь
я не сомкнула глаз, задремала только на рассвете и
вдруг слышу — заиграла моя скрипка, сперва тихо,
потом все громче, громче, наконец зазвучала с безум-
ной силой: клики радости, смех, ликование... но все
это растаяло в скорби, жалобах, грусти, слезах, рыда-

ний. Я никогда не слышала у скрипки таких звуков, у моей тоже.

Я слушала, слушала, пока не почувствовала, что у меня по щекам текут слезы, тут я проснулась и — испугалась: я стою на полу, в ночной одежде, как легла вечером в постель, волосы распущены, руки и плечи обнажены, ноги, бедные, на холодном паркете, словом — ужас! И все играю на скрипке, продолжаю играть, даже увидев себя в зеркале. И словно слышу мольбу: не покидай меня, не покидай меня, не забывай меня, не забывай! Когда дядя утром спросил: «Ну, Лизетта, да или нет? Жизнь или искусство?» — я попросила еще один день. А ночью опять то же самое: скрипка плачет, скрипка жалуется, льет слезы и молит — не забывай меня, не забывай меня! И когда я проснулась... нет, я боюсь сказать, что тогда было. Не дай бог, кто-нибудь узнает, подумают — я сошла с ума, всякое могут подумать.

— Никто ничего не узнает... прошу вас, — сказал я растроганно, ловя ее руку, скользнувшую по шуршащему шелку платья.

— Как нехорошо, что я ни в чем не могу вам отказать, когда вы просите, — продолжала девушка. — Но помните, я верю вам, как своей душе. Не обманите моего доверия!

— Клянусь! — произнес я торжественно.

— Хорошо, тогда слушайте: когда я ночью проснулась от слез, я стояла со скрипкой перед зеркалом на тигровой шкуре — дядя подарил ее мне вместе со скрипкой... Красивая, мягкая, полосатая... Я люблю на ней лежать и мечтать, ах, как я мечтаю!.. Я стояла босиком на тигровой шкуре, играла на скрипке... и, что самое страшное, стояла совсем голая, совсем, как сосулька. Когда и как я сорвала с себя ночную одежду, понятия не имею. Стою, играю и плачу, точно оплакиваю умершего или горячо молюсь богу... Что вы скажете обо всем этом?

— О господи! — вздохнул я в ответ.

— И знаете, что было утром? Я отказалась господину Пулло, сказала дяде: я выбираю искусство, обручаясь с искусством. Как он меня ни просил, ни предо-

стерегал, я стояла на своем, стою и сейчас. Иной раз так жалко себя станет. Думаю: сейчас я молода, а что будет потом, когда все пойдут замуж и женятся? Ведь я по натуре очень привязана к дому, к семье, мы все такие, и мой дядя тоже, хотя бывает — если «стих такой находит», как он сам говорит в шутку, — бывает, что и он ищет утеша на стороне. И теперь представьте себе мое положение: ты склонна к домашнему уюту, мечтаешь о семейном счастье, любишь детей... и обручаешься со скрипкой, обручаешься на вечные времена, словно скрипка — живое существо. И поверьте — в ней живая душа, она одухотворена, ее дух перешел и на меня. В ней несколько душ, и эти души вселились в меня, поэтому я и есть такая: своенравная, упрямая, настойчивая, самонадеянная, жестокая, капризная, но в то же время уступчивая, покорная, смиренная, жалостливая, щедрая, мечтательная, тоскующая, мягкая как воск — лепи из него все, что вздумается. Недаром дядя, когда видит меня со скрипкой, всегда твердит: в тебе пропадает eine Hausfrau, ein Hausmütterchen, aber... ja dies schicksalsschwere Aber!¹. Ничего не поделаешь, он сам виноват, зачем принес эту скрипку, зачем столько раз говорил мне о ее прошлом, ее истории. Я полюбила эти воспоминания, как сказку. Представьте себе знайное небо Италии, отравленное дерево — дядя уверяет, что отравленное: звуки любят яд, иначе они не возьмут за сердце, не полются в душу, не пробудят безумное веселье, дикую скорбь. На протяжении веков ее держали в руках десятки музыкантов, и каждый вливал в нее свою душу, свои переживания, горе и радость, свою судьбу, — ведь дерево отзывчивее, чем человеческое сердце, дерево вернее, чем душа, дерево нежнее, чем любое живое существо, — так постоянно твердит мой маэстро. У каждого живого существа одна душа, а у дерева может быть много душ, столько, сколько вложено в его отравленное сердце теми, кто играл на этой скрипке. Одна из ее душ, наверное, ужасна: дядю

¹ ... хозяйка дома; мать семейства, но... да, это роковое «но» (нем.)

уверяли, будто это та самая скрипка, на которой играл молодой человек из «Крейцеровой сонаты» Толстого. Помните, как этот молодой человек погиб?

— Помню, — ответил я.

— А его имя?

— Имени не помню.

— Все равно, но я думаю — у этой скрипки уже тогда была страшная душа. Иначе как могли бы ее звуки так повлиять на ту женщину, что она изменила своему мужу? Ужас! Когда я об этом думаю, делается страшно: вдруг она и в моих руках зазвучит так, что толкнет кого-то на измену, разбудит темные страсти? И тогда мне хочется взять и разбить ее, уничтожить вместе с ее отравленными душами, но всякий раз меня удерживает непонятная, таинственная сила. Я думаю: если когда-то были на свете души, которые своим звучанием потрясли даже безжизненное дерево, и если они, быть может, искали в этих звуках своего спасения, своего искупления, то они ищут его и сейчас в бессмертных воспоминаниях, которыми насыщено дерево. Но тогда уничтожить скрипку значило бы уничтожить и эти звуки, значило бы погубить надежду этих душ на искупление, значило бы... сама не знаю... что-то большое и тайное, такое, что я замираю от страха. Сколько я из-за нее выстрадала! Чего я только не пережила! Единственная надежда — никто, кроме вас, об этом не знает, и если вы будете молчать, я унесу свои тайны и страдания с собой в могилу, так я решила. Я однажды была у хироманта, думала, он что-нибудь знает, но нет, ничего; ходила к знаменитой гадалке, у нее многие узнавали свою судьбу, но я ушла ни с чем; разыскала ясновидящего, которого все хвалили, но он смог только сказать мне, что я очень несчастна и что это несчастье — залог моего счастья. Только этот индийский мудрец, этот чудотворец и правитель душ, который живет среди нас точно вельможа, только ему все было ясно, он сразу же сказал...

Как это ни печально, я должен просить прощения — я забыл, что сказал чудотворец и правитель душ, должен просить прощения тем более, что в словах индийского мудреца, возможно, и содержалось

мистическое объяснение всей этой загадочной истории. Никогда господин Алкоголь не настигал меня в столь роковой момент, как в тот вечер, и дай бог, чтобы такая беда никогда больше не повторилась: я уверен, что не будь мой мозг отуманен алкогольным дурманом, я безусловно все помнил бы и понимал гораздо лучше. Сейчас я рассказываю лишь приблизительно, как бы наощупь; словно сквозь туман маячит у самого порога сознания какое-то переселение душ, влекомых страстью тоской и жаждущих искупления, причем иногда местом их средоточия может стать камень, звезда или полуистлевший звянящий кусок дерева. Горе тому, кто посмеет тронуть такую обитель душ, их приют — он навеки утратит духовное блаженство.

— Вот к чему я пришла, — продолжала девушка, глубоко переведя дыхание. — Передо мной выбор — надеяться на мимолетное счастье здесь, на земле, или навсегда погинуть. Я избрала второе, и теперь должна беречь это пристанище душ, как зеницу ока. Даже ночью я не решаюсь с ним расстаться, как будто и правда связана с ним узами брака...

— Господи боже! — вздохнул я и схватил ее руку, которая после короткой борьбы осталась в моей власти. Точно соединенные навеки, лежали наши руки, нежно сплетенные, на теплом лоне шуршащего шелка, а тихий, мягкий голос продолжал свою горестную жалобу.

— Только скрипка видит меня на моем белом ложе, она единственная касается меня, когда я в полночь изливаю в звуках свою безумную печаль, — только она, холодная и безжизненная, ставшая обиталищем бессмертных душ. Верю, что и моя душа когда-нибудь найдет в ней приют и навеки соединится с какой-нибудь родственной душой, но тогда ее заставит звучать кто-нибудь другой, не я, и, может быть, другая будет стоять на тигровой шкуре и рыданиями скрипки изливать свои мечты в ночную мглу...

Так говорила она, приближаясь к концу своего рассказа. Возможно, что-то самое прекрасное, утонченное и возвышенное я позабыл или мои чувства его

вовсе не восприняли: как я уже говорил, я в тот вечер выпил чуть больше, чем следовало, к тому же, мне никогда еще не случалось выслушивать и постигать сердечные тайны светской дамы с художественным складом души.

Господин Алкоголь и госпожа Венера, видимо, в тот вечер заключили союз, чтобы сообща как можно больше затемнить и ограничить мой разум, поэтому неудивительно, что я сидел, как очарованный, вернее — как безумный: сжимая руку девушки, я смотрел ей в глаза и на ее губы, точно ждал знамения вечности.

Долго ли это продолжалось, не знаю, но помню, что, повинувшись какой-то высшей силе или движению горячей руки, лежавшей в моей ладони, я прижался головой к шелестящему шелку и стал как безумный целовать эту руку. Помню также, что лицом нечаянно коснулся скрипки и она отозвалась еле слышанным звоном, ах! Все это помню ясно, все это и сейчас горит в моих ощущениях. Но я совсем не помню, чтобы я отдавал себе отчет, насколько некрасиво и безрассудно было то, что я потом сделал. Нет, это я понял только тогда, когда все уже произошло и события пошли своим неизбежным путем.

И все же, размышляя теперь о случившемся, я не испытываю ни малейшего сожаления, так как угадываю во всем этом более могучую силу, которая определяет судьбы как живых, так и неживого. Я — игрушка судьбы, и я утверждаю: горе тому, кого рок настигнет в минуту высшего блаженства, ибо из этих сетей спасения нет.

Наслаждайся мгновением, дорожи каждой сладостной каплей чувств в кубке жизни, пей из него жадными глотками, потому что скоро все минует, как миновало для меня там, на диване в углу роскошного зала... чья-то грубая рука вдруг схватила меня за шиворот и отшвырнула на несколько шагов от дивана, как щенка или котенка. Это произошло так внезапно, что я совсем потерял рассудок, инстинктивно ища руками опоры на коленях у девушки, ухватился правой рукой за гриф скрипки, а услышав гнусное бранное слово, точно передо мной был мяс-

ник или извозчик, я в слепой ярости хватил скрипкой по блестящей лысой макушке.

Послышался страшный треск и сумасшедший женский вопль, скрипка разлетелась на тысячу осколков, только гриф уцелел, судорожно зажатый в моей руке, и свистнул в воздухе, занесенный для нового удара.

Бог знает, чем бы это все кончилось, если бы на шум не прибежал хозяин дома вместе с гостями; вмиг нашлись десятки рук, которые оттащили меня от моего противника, а им оказался — я только сейчас это понял — не кто иной, как многократный претендент на руку бедной прейли Мардус, господин Пулло.

Стало быть, это ничтожество все еще не теряет надежды, все еще верит в желанное счастье — стать законным супругом девицы Мардус! В эту минуту ни я, ни кто другой не могли предвидеть, каким фатальным образом мой бешеный приступ ярости поможет ему осуществить свою мечту.

Прейли Мардус, увидев гибель своего волшебного инструмента, делала невероятные усилия, чтобы овладеть собой, но чувства ее утратили равновесие и она как тростинка упала без сознания на диван. Первым поспешил к ней на помощь мой противник, господин Пулло, со своим лысым черепом, и стал громко отдавать распоряжения — о том, чтобы принесли воды, и еще о чем-то, я не рассыпал. Больше я ничего не знаю, так как в эту минуту ко мне подошел господин Раватянав, дружески взял меня под руку, увел из зала в переднюю и там ласково спросил:

— Господин студиозус, как вы считаете — не будет ли разумнее всего сейчас уйти, чтобы нас никто не беспокоил?

С этим я был согласен, но почувствовал необходимость извиниться за свой поступок, с дрожью в сердце выразить сожаление по поводу того огромного ущерба, который я своим безрассудством нанес хозяину дома или члену его семьи; при этом я совсем забыл, что мне, студенту, носящему эмблему корпорации, полагалось бы искать совсем иной выход из любого недоразумения. Но здесь выяснилось,

как правильно понимала прейли Мардус своего дядюшку, когда говорила об изменениях в его душевном складе в сторону деликатности и благородства. Не упрекнув меня ни единым словом, он сказал ободряюще:

— Господин студиозус, вы поступили так, как должен поступать мужчина. Я на вашем месте действовал бы точно так же. — Затем, приблизившись ко мне на несколько шагов, он продолжал доверительно: — Между нами говоря, господин Пулло — скотина, настоящая скотина. С каких пор уже подает девочке надежду — и ни с места! А насчет той деревяшки не беспокойтесь, уж я что-нибудь придумаю. Главное — вы поступили как серьезный молодой человек. До свидания! — Он протянул мне руку. — Как-нибудь сговоримся, выпьем на брудершафт, потому что вы мне нравитесь.

Совсем ошелелый, очутился я на улице. Бодрящий воздух звездной зимней ночи вскоре отрезвил меня и прояснил поток мыслей. Только теперь понял я в полной мере, какой глубокий трагизм окружает дом Раватянава, переполненный сказочными богатствами. Прейли Мардус была права, утверждая, что господин Раватянав ничего не знает, абсолютно ничего: судя по всему, он видит во всех жизненных взаимоотношениях лишь действие реальных сил, а ведь в сущности судьбу человека определяет необъяснимая мистическая сила, истоки которой темны.

На другой день мне пришлось неожиданно уехать из столицы, где меня постигли только одни разочарования и гибель надежд, если говорить словами девицы Мардус. Но до отъезда я успел получить от нее коротенько письмо, где она сообщала, что в тот злополучный вечер, когда все выпили чуть больше, чем следовало, господин Пулло после катастрофы, в которой роковым образом участвовал и я, снова просил ее руки, и она в полубеспамятстве, в отчаянии, вызванном вполне понятными причинами, сказала наконец «да» — ведь все равно в ее разбитой жизни не на что больше надеяться. Скрипка погибла, погибла навеки!

Точно оглушенный, поехал я на вокзал, судорожно напрягая силы, чтобы не забыть цели своей поездки, мои чувства и мысли были обращены к грустному образу прейли Мардус, сидящей со мной рядом, со скрипкой на коленях.

Прибыв в alma mater, я через несколько дней прошел на первой странице столичной газеты бросающееся в глаза извещение, где фигурировали только два имени: Артур Пулло и Лизетта Мардус.

Значит, этот роковой шаг был все же сделан бесповоротно.

Немного ниже на той же странице было помещено другое объявление, набранное более жирным шрифтом, и оно приковало мое внимание надольше, чем первое, так как явилось для меня полнейшей неожиданностью. В широкой черной рамке я прочел, прошел несколько раз подряд, не веря своим глазам:

Требуется опытный скрипичный мастер
для реставрации
подлинного страдивариуса
(Anno Domini 1723)

Оплата высокая.

В конце объявления — адрес новой, недавно освященной квартиры господина Раватяна.

Я онемел.

С ума он сошел, этот человек, что думает ремонтировать эту пещеру духов? Неужели он и впрямь не догадывается, что он этим причиняет близкому существу? Или он умышленно хочет заставить нежную душу бедняжки, даже разбитую, снова звучать в гнилом отравленном дереве? Неужели я должен думать, что Раватянов сам такая же скотина, как его дорогой друг Пулло? Ах, боже мой, кто скажет, кто скажет! Пусть это будет настоящим безумием, но, узнав правду, я мог бы починенную скрипку снова расколотить вдребезги о череп самого Раватянова.

1922

